

Ю.Г. Благодер

Роль сотрудников Русской духовной миссии в Пекине в формировании представлений о Китае в российском обществе XIX в.

Ключевые слова: российское Китаеведение, российская периодическая печать, российские путешественники, экспедиции в Китай, этнография, китайская культура, китайские традиции, китайская литература, китайская наука, китайская медицина.

Key words: study of Chinese culture in Russia, Russian periodicals, Russian travelers, expedition in China, ethnography, Chinese culture, Chinese traditions, Chinese literature, Chinese science, Chinese medicine.

Помимо представителей научных кругов России изучением Китая в XIX в. занимались и сотрудники Русской духовной миссии в Пекине, чья деятельность была многогранной. Среди них были священнослужители, которые помимо пастырского служения среди православного населения, религиозной пропаганды, переводов христианской литературы занимались дипломатическим представительством; специалисты (врачи, биологи, географы), командированные для выполнения определенных профессиональных задач; студенты-переводчики, желающие совершенствовать знание восточных языков. Большинство из них выполнение своих прямых обязанностей совмещало с плодотворной исследовательской работой. Ее результаты появились на страницах как академических, отраслевых, так и исторических, литературных, литературно-политических и даже массовых развлекательных периодических изданий. Кроме того, в отличие от представителей научных кругов, использующих для анализа лишь переводную (в большей степени европейскую) литературу, члены миссии, владея китайским и маньчжурским языками, привлекали местные исторические и литературные источники. В доступной форме они излагали базовые сведения об исторически сложившейся культуре, рассматривали концепции политического устройства общества в различные исторические периоды, основные учения, религии и культы. Прожив ни один год в китайской среде и изучив особенности развития социальных отношений, идеологии Китая, его религиозных форм, авторы могли с большим успехом проследить преемственность традиций в китайском обществе – образце одной из древнейших мировых цивилизаций.

Результаты работы сотрудников миссии освещались как во всероссийских изданиях («Христианское чтение», «Русский архив», «Русская старина», «Церковно-общественный вестник», «Православное обозрение», «Церковный вестник»), так и региональных («Странник» (Симферополь), «Иркутские епархиальные ведомости», «Таврические епархиальные

ведомости», «Минские епархиальные ведомости», «Московские церковные ведомости», «Московские ведомости», «Саратовские губернские ведомости» и др.).

В конце XVIII – начале XIX в. глубокого и всестороннего изучения истории и культуры китайского народа и народов Центральной Азии не было. Китаеведение в России только начинало развиваться: стали выходить в свет переводы с китайского на русский язык, в журналах время от времени появлялись статьи, посвященные Китаю. Все эти работы не были связаны одной общей идеей, а их тематика была различной. Так, иеромонах Гурий и В. Миротворцев рассказывали о деятельности в Китае российских миссионеров, П. Савельев анализировал литературоведческие труды отечественных ориенталистов, а известный Китаевед К.А. Скачков пытался заинтересовать читателя судьбой потомков албазинцев в Пекине. Во все времена отношение обывателей к путешественникам было особенным, а рассказы о заморских диковинках вызывали неподдельный интерес. Описания путешествия 1808 г. архимандрита Софрония Грибовского не стали исключением.

Осознавая, какую огромную роль в духовной жизни китайского общества играют традиции конфуцианства, даосизма и буддизма и насколько они устойчивы, члены миссии наряду с изучением официальных языков со временем стали овладевать тибетским и санскритом. Приобретенные знания использовали для перевода на русский язык важнейших древних и средневековых китайских трактатов, в первую очередь конфуцианских, необходимых для понимания менталитета традиционного китайского общества. В связи с этим обращают на себя внимание научные труды Д. Честного (Аввакума). Помимо возложенной, согласно инструкции для членов миссии, обязанности заниматься изучением буддизма и даосизма, священнослужитель, имевший особую склонность и способности к языкознанию, пошел в своих научных занятиях гораздо дальше этих требований, составляя переводы китайских текстов самой разнообразной тематики. Имя видного Китаеведа о. Аввакума в тот период не было широко известно. Лишь в 1899 г. в «Тверских епархиальных ведомостях» была опубликована его сжатая биография, принадлежащая перу земляка – доцента Санкт-Петербургской духовной академии И.П. Соколова. Однако сведения, приведенные в этой статье, недостаточно полны и содержат неточности.

Такова была судьба многих исследователей-китаистов: рукописные сочинения – плоды многолетнего кропотливого труда и лишений – покоились не одно десятилетие в архивных фондах канцелярий или, того хуже, погибли в водовороте случайных обстоятельств. Но для пытливого ума талантливого исследователя китайская культура оказывалась благодатной почвой. Недаром П.И. Каменский вынес впечатление о том, что «Пекин для ученых миссионеров есть прекрасная школа, рай, а для невежд – мучительнейшая неволя» [1, с. 140]. Эти слова не были пустой бравадой. Находясь в Пекине, помимо работы в Лифаньюане, он активно занимался переводческой деятельностью (в основном с маньчжурского языка). Им были переведены (в ряде случаев начаты переводы и завершены уже позднее): «Цзычжи тунцзянь ганму» (доминский период), раздел «Бэньцзи» из «Юаньши», «Описание дел Джунгарии», «Падение Минской и начало Маньчжурской в Китае царских династий, или жизнь изменника Лидзычина» и некоторые другие работы. Вернувшись на родину, ученый-синолог осуществил перевод книги «Тайшан», неполный текст которого был опубликован в «Журнале министерства народного просвещения» за 1821 г. [1, с. 142] и читал курс по современной истории Китая в Санкт-Петербургской духовной академии.

Почти все труды П.И. Каменского остались в рукописях. Исключение составляют только небольшие статьи: «О китайском растении жень-шень, с рисунком оно», «Журнал, веденный в Пекине по случаю прибытия из Российского государства посланника Николая Гавриловича Спафария» и «Записки об албазинцах» (изданы в Пекине в 1906 г.). О жизни самого исследователя повествуют лишь две статьи А. Можаровского, опубликованные спустя много лет (в конце XIX в.) в «Русском архиве».

Триумфально войдя не только в российскую, но и мировую синологию, Н.Я. Бичурин в известной мере заслонул как П.И. Каменского, С.В. Липовцева, так и входившего в состав 10-й миссии З.Ф. Леонтьевского, частично сохранившийся дневник которого содержит интереснейшие литературные зарисовки, опубликованные в ноябре-декабре 1832 г. в газете «Северная пчела» под рубрикой «Этнография».

Ценные сведения о быте китайцев зафиксировал также член 11-й миссии студент А.И. Кованько, писавший под псевдонимом Дэ-мин. В 1841–1846 гг. он опубликовал в широко известном журнале «Отечественные записки» десять статей под общим названием «Поездка в Китай», которые и сегодня являются важным источником для изучения культуры и быта различных социальных слоев китайского общества. Эти очерки вызвали живой интерес и в России, и за рубежом. Так, в одном из журнальных обзоров отмечалось: «В виде писем излагает свое путешествие в Китай один из почтенных наших хинезистов, скры-

вающий свое имя под псевдонимом Дэ-мин. Четыре письма помещено в прошлогодних «Отечественных записках». Они весьма любопытны» [2, с. 111]. Представляется, что это весьма высокая оценка личности автора как китаиста, поскольку в те годы творили уже названные ранее крупные ученые Н.Я. Бичурин, Э.Ф. Леонтьевский и др.

Неоценимый вклад в популяризацию научных знаний о Цинской империи внес К.А. Скачков. Будучи прикомандированным в 1848 г. к Духовной миссии для устройства в Пекине магнитной и метеорологической обсерватории, в течение десяти лет исследователь изучал язык, культуру, наблюдал за жизнью местного населения. Собранные им многочисленные ценнейшие материалы были разнообразны по своему содержанию. Вопросы сельского хозяйства, военного и морского дела, медицины, торговли вызвали живой интерес автора и впоследствии были оформлены в статьи, опубликованные в таких изданиях, как «Морской сборник», «Художественный листок», «Труды Императорского Вольно-Экономического общества», «Труды Русского энтомологического общества», «Журнал сельского хозяйства и лесоводства», «Русский вестник», «Труды съезда ориенталистов в Петербурге», «Вестник промышленности», «Промышленность», «Голос», «Вестник Европы». Следует отметить труды в «Известиях Императорского Географического общества» и «Журнале Министерства народного просвещения», посвященные истории развития восточной науки, в частности географического и астрономического знания.

Исследования китайских материалов по ранней истории Цин и маньчжуров В.В. Горского, талантливого китаевода, одного из членов 12-й миссии, еще при его жизни были опубликованы в «Отечественных записках» [3, с. 15–20], а после его смерти благодаря дружеским стараниям архимандрита Палладия (Кафарова), явившегося инициатором опубликования сборника «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», работы «О происхождении родоначальника ныне правящей в Китае династии Цин и имени народа маньчжу» и «Начало и первые дела маньчжурского дома» вошли в первый том этого издания. Отдельные фрагменты исторического обзора «Страницы из истории Православной Русской миссии в Китае (Письма миссионера)» регулярно публиковались в «Богословском вестнике». В «Трудах» также были опубликованы работы И.И. Захарова «Историческое обозрение народонаселения Китая», «Поземельная собственность в Китае», где автор, глубоко исследуя предмет своего научного интереса, делает тщательный анализ экономических ресурсов страны, не ограничиваясь сухими среднестатистическими данными.

Периодическая печать в исследуемый период является наиболее эффективным и универсальным каналом формирования общественного мнения, а также про-

свещения, распространения научных знаний, развития культуры, формирования мировоззрения. Массовые общественно-политические и специализированные издания свою главную задачу видели в максимально возможном достоверном информировании читателей о событиях внутренней и международной жизни. В уже названных работах В.В. Горского и И.И. Захарова мы видим продолжение линии, характерной для лучших представителей российского китаеведения: стремление глубоко проникнуть в историческое прошлое изучаемого народа, используя большое количество китайских источников.

Важнейшим проводником научного знания о Китае для российского общества первой половины XIX в. был отец Иакинф (Н.Я. Бичурин). В 1807 г. его назначили начальником Русской духовной миссии в Пекине, где он оставался до 1820 г., вернувшись в Россию, не прерывал научных занятий, издавал переводы разнообразных китайских текстов и на их основе писал книги. Научное значение трудов Иакинфа исключительно велико, его многочисленные переводы и статьи сформировали основу в России подлинно научных знаний во многих областях китаеведения. Предшественники оставили заметный след в изучении некоторых вопросов истории Китая, но именно Н.Я. Бичурин положил начало широкому освещению самых различных вопросов как в фундаментальных трудах, так и в журнальных миниатюрах.

Статья «Указы и бумаги, относящиеся до английского посольства, бывшие в Пекине в 1816 году» стала первой изданной работой Н.Я. Бичурина, опубликованной в журнале «Северный архив» в 1825 г. Вторично на страницах этого журнала Иакинф выступает уже как критик. Хорошо зная все стороны жизни Китая, он корректирует ошибочные заявления о государственном устройстве, социально-экономическом и культурном развитии страны возвратившегося из кругосветного плавания И.Ф. Крузенштерна.

Свободно владея материалом, исследователь постепенно от описательных работ, переводов и составления дополнений к ним переходит к полемике. В 1828 г. он печатает в журнале Н. Полевого «Московский телеграф» свой ответ парижскому ученому Ю. Клапроту, отмечая его посредственное знание источников и откровенный европоцентризм. Современники по достоинству оценили полемический выпад российского китаеведа, сделанный «с подлинно китайской эрудицией и неоспоримой убедительностью. И по-китайски вежливо», – отметил издатель «Северной пчелы» О.И. Сенковский.

Работы Н.Я. Бичурина переводят на немецкий и французский языки. Появляются рецензии на них в европейских журналах. В 1830–1840-х гг. в «Телеграфе» и «Русском вестнике» публикуются «Отрывки из путешествия о. Иакинфа по Сибири». Серию крупных трудов, опубликованных в России, начинает

книга «Описание Тибета в нынешнем его состоянии» (1828 г.). Появление первой в России работы о Тибете не прошло незамеченным в печати. В том же году журналы «Московский вестник», «Сын Отечества», «Московский телеграф» и «Северная пчела» поместили рецензии на нее. «Северная пчела» начала публикацию данного труда.

Размах публицистической деятельности Н.Я. Бичурина поражал даже современников. Из Иркутска и Кяхты он регулярно посылал корреспонденцию в «Литературную газету» и «Московский телеграф» (1830–1832 гг.). Его работоспособность поражала многих. Особенно тесно он сотрудничал с М.П. Погодиным в «Московском вестнике» и Н.А. Полевым в «Московском телеграфе». Автор затрагивал самые разные вопросы китаеведения: писал о просвещении в Китае и государственном строе, китайской философии и религии, сельском хозяйстве и торговле, живописи, архитектуре и декоративно-прикладном искусстве. Главная ценность его работ заключалась в том, что они были основаны исключительно на китайских источниках.

Н.Я. Бичурин печатал свои статьи во многих журналах Москвы и Петербурга, рассматривая это как важное дело, связанное с научными и общественными интересами и развитием российской науки. В «Журнале Министерства внутренних дел» появляется статья о китайской живописи и выделке красок, в «Русском вестнике» – буддийской мифологии, в «Журнале Министерства народного просвещения» – просвещении в Китае, в «Отечественных записках» – народном продовольствии. В «Москвитянике» публикуются замечания на работу Устрялова о покорении Руси монголами, в «Московском телеграфе» – о китайском земледельческом календаре. Статьи этого исследователя отличались смелостью и оригинальностью. Увлеченность автора, открывшего для российского читателя богатую и своеобразную культуру, обычаи и традиции Срединной империи, сказалась на идеализации им отдельных сторон общественно-политической жизни Китая, государственного строя и законов маньчжурской монархии, а также в проведении им подчас необоснованных параллелей между Европой и Китаем. Н.Я. Бичурин был ярким противником подражания Западу. С.Л. Тихвинский отмечает, что, отстаивая приоритет российского востоковедения в изучении Китая, выступал с резкой критикой тех, кто слепо преклонялся перед иностранной наукой и культурой. В одной из своих статей, опубликованной в «Москвитянике», он писал по этому поводу: «Если бы мы со времен Петра Первого и донныне не увлекались постоянным и безразборчивым подражанием иностранным писателям, то давно бы имели свою самостоятельность в разных отраслях просвещения. Очень неправо думают те, которые полагают, что западные европейцы давно и

далеко опередили нас в образовании, следовательно, нам остается только следовать за ними. Эта мысль ослабляет наши умственные способности, и мы почти в обязанность себе ставим чужим, а не своим умом мыслить о чем-либо» (цит. по: [4, с. 149]). Главное внимание, по мнению Н.Я. Бичурина, необходимо было уделять китайским первоисточникам и, основываясь на личных наблюдениях, стремиться показать подлинную историю восточного государства, его быт, нравы, познакомить читателя с его политическими и философскими учениями, а не полагаться только на сведения, заимствованные с Запада.

Отчеты дипломатов, миссионеров, историков-профессионалов и исследователей-любителей дали России возможность познакомиться с Китаем, но такова была ирония судьбы, что эти рассказы в силу бюрократизации и цензуры, засекреченности дипломатической сферы политики, отсутствия у авторов денежных средств для издания своих сочинений стали достоянием широкой публики лишь в конце XIX в. Правящая российская элита всячески пыталась пресечь попытки вынести на всеобщее обсуждение вопросы, касающиеся политики, пусть даже столь удаленного государства, так как сравнение черт различных форм государственного правления, способов взаимоотношения власти и общества, степени участия народа в процессе принятия государственных решений могло послужить поводом к поиску недостатков своей собственной системы и их критике. Кроме того, в Россию поступал большой поток неточной, а порой и заведомо ложной информации. «Католические миссионеры в Пекине старались избегать неприятных фактов, а позже редакторы европейских изданий еще больше «очищали» литературный материал от всего, что казалось им лично неинтересным или рискованным» [5, с. 236].

В статье, посвященной деятельности Н.Я. Бичурина, В.С. Мясников цитирует слова редактора журнала «Отечественные записки» Краевского: «Толками о Китае наполнены теперь целые столбцы и страницы в журналах иностранных, которые по недостатку сведений о Китае повторяют нелепости, составленные другими, искажают имена и представляют вещи совершенно в превратном виде. Наши газеты и журналы усердно переводят эти статьи и по возможности искажают их еще больше» [6, с. 64].

Благодаря своей основательности и широкому использованию первоисточников, работы Н.Я. Бичурина привлекли к себе значительный общественный интерес и внимание представителей общественных и литературных кругов России. С исследователем встречались и получали от него сведения о Китае такие известные деятели и писатели, как А.С. Пушкин, И.А. Крылов, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, И.И. Панаев, В.Ф. Одоевский, О.И. Сенковский, О.М. Сомов, Н.А. Полевой, И.А. Гончаров,

П.А. Плетнев, П.А. Вяземский, С.М. Шевырев, М.П. Погодин, Г.И. Спасский, А.А. Краевский и др. В литературных произведениях того времени сквозит если не серьезный интерес, то по крайней мере беззаветная увлеченность Китаем и его культурой.

А.С. Пушкин, например, напечатал некоторые работы отца Иакинфа в альманахе «Северные цветы» (1832 г.). В редакционном предисловии к очерку «Байкал», где рассказывалось о научных заслугах русского китаевода, говорилось, что своими трудами о Китае и Монголии, а также переводами с «китайского языка разных творений» Н.Я. Бичурин обратил на себя «внимание просвещенной Европы». В том же альманахе был опубликован перевод отрывка из китайского романа «Хао Цю Чжуань» («Беспорочный брак»), ранее получивший распространение на Западе. Выбор отрывка, в котором говорилось о всевластии чиновников и безнаказанности представителя знатного рода, позволяет сделать вывод, что редакция стремилась не просто ознакомить читателей с «любопытным изображением китайских нравов», но вызвать у них ассоциации с Россией. Многие издания того времени, в частности, издаваемая А.С. Пушкиным и А.А. Дельвигом «Литературная газета», печатали рецензии на труды и переводы Н.Я. Бичурина. Критики в большинстве своем давали высокие оценки, подчеркивая их научное значение.

Не менее крупным ученым своего времени был И.П. Кафаров. Пробыв в Китае в составе 12 и 13-й миссий в общей сложности более 30 лет, он оставил заметный след в научной сфере, выступая в своих трудах как историк, филолог и географ. «Морской сборник» и «Известия Министерства иностранных дел» публикуют «Дневник архимандрита Палладия за 1858 год», в котором освещается жизнь Российской духовной миссии и ее главы безо всяких прикрас. Совершив по предложению географического общества экспедицию в Уссурийский край (1870–1871 гг.), он провел глубокие этнографические и археологические исследования, о результатах которых общественность узнала в серии публикаций: «Старинное китайское сказание о Чингисхане», «Старинные следы христианства в Китае», «Дорожные заметки из Пекина до Благовещенска», «Исторический очерк Уссурийского края». Инициативе известного китаевода наука была обязана появлением четырех томов «Трудов членов Российской духовной миссии в Пекине», вышедших в 1852–1866 гг., где помимо уже названных ранее авторов И.П. Кафаров публиковал и свои работы. К примеру, такие как «Жизнеописание Будды», «Исторический очерк древнего буддизма», «Старинное монгольское сказание о Чингисхане», «Путешествие даосского монаха Чан-чуня на Запад».

В течение длительного времени выпускался «Китайский благовестник», в котором увидели свет работы этнографического содержания, также принадлежа-

шие перу священнослужителей. В этой связи нельзя не отметить научную деятельность участника 14-й миссии иеромонаха Александра (Кульчицкого), особо интересовавшегося китайскими обрядами, религией и суевериями. В 1862 г. он написал статью «Брак у китайцев», опубликованную, к сожалению, в «Китайском благовестнике» только лишь в 1907–1909 гг.

Благодаря периодическим изданиям, находясь далеко за пределами России, исследователи могли высказывать свое мнение по различным вопросам, «преодолевать» сотни, а порой и тысячи километров, донося до читателя новейшую информацию о жизни дальневосточного соседа. В XIX в. усилиями русских исследователей в научный оборот вводится огромное количество материалов по истории стран Востока. По итогам их экспедиций составлялись отчеты, которые были опубликованы в России и неизменно привлекали внимание общественности. В истории развития российско-китайских связей, особенно в этот период, заметную роль сыграли врачи, входившие в состав Российской духовной миссии в Пекине. Каждый из них в той или иной мере способствовал ознакомлению с китайским народом, его бытом, культурой и, главным образом, местной медициной, опровергал предвзятые характеристики европейцев и их «пошлые издевки над народом просвещеннейшим, напоминающие глумление мальчишки над стариком, достойным уважения за свои минувшие заслуги» [1, с. 138].

В ноябре 1887 г. «Православный собеседник» публикует статью иеромонаха, члена 16-й Пекинской духовной миссии Н. Адоратского с обзором 200-летней истории русской миссии, а спустя год посредством публикации В. Миротворцева читателю вновь напоминают о выдающихся людях, посвятивших свою жизнь служению ближним. Рассказ о таланте и самоотверженном труде врача О.П. Войцеховского развертывает перед нами неприглядную картину жизни различных слоев китайского общества. За врачебным советом к русскому медику обращались как богачи, крупные чиновники, так и представители малоимущих слоев населения. Вести врачебную практику иноземцу в Китае было очень сложно, так как повсеместно царило недоверие, основанное на предубеждении против европейской медицины. Несмотря на это, Русская духовная миссия обязана прикомандированным к ней врачам тем, что практически с начала XIX в. она приобрела большой авторитет во влиятельных кругах Цинского правительства. Трогательная благодарность за оказанную помощь получала различное выражение. В этой связи уместно упомянуть местный обычай преподнесения благодарным пациентом за излечение от болезни почетной доски, на которой делалась надпись, характеризующая искусство врача. Оказание подобной чести О.П. Войцеховскому одним из родственников императора проходило весьма торжественно. Вот

что рассказывают об этом современники: «Доска сия с означенными на оной литерами принесена в Российский посольский двор в Пекине 1829 года ноября 14 числа в 11 часов утра королевским братом Цюань-Чаном с пребольшою помпой, как-то: амбаниями, многими другими чиновниками из королевского штата, полицейскими чиновниками, а бутושники во время препровождения оной бежали с кнутами по улице и несли разного рода регалии, и во всю дорогу от самого королевского дворца до нашего подворья играла музыка. В середине доски была надпись на китайском языке «Прекрасное лечение подобно Чан Сану» (знаменитый врач древнего Китая), а по бокам: «Знаменитого здесь князя Ли Цинн-вана брат Цюань-чан поставил этот памятник в знак усерднейшей признательности за вылечение его от какой-то опухоли, от которой первоначально лечили его многие здешние врачи без успеха» [1, с. 140]. Информация об этом событии распространилась в России достаточно быстро благодаря таким изданиям, как «Друг здравия» и «Московский телеграф».

Немало времени врачи П.Е. Кирилов, А.А. Татаринов, С.И. Базилевский и другие уделяли лечению китайцев, сбору ботанических коллекций, изучению китайского языка и ознакомлению с трудами китайских философов. Журнал «Русская старина» публикует небольшую выдержку из письма, написанного П.Е. Кирилловым в июле 1832 г. во время его пребывания в мирные деревни Шичан близ Пекина, которая красноречиво свидетельствует о том, что русский врач, оказывая помощь китайским крестьянам, заслужил уважение и признательность: «...при ботанических занятиях занимался и практикой, которою обратил к себе народ из отдаленных деревень ... Не в похвалу свою скажу вам, что не только в Китае, но нигде не думал я найти той признательности и уважения, какие видел здесь. Народ, кажется, забыл, что я иностранец» [1, с. 143]. Между тем хорошо известно, что местное население враждебно относилось к европейцам, а также и к тем, кто поддерживал с ними дружеские отношения.

Отличное знание медицины П.Е. Кириловым, скромность, любовь к людям независимо от национальности и материального благосостояния увеличивали число искавших у него помощи. В 1836 г. излеченные знатные пациенты торжественно преподнесли ему две почетные доски «За благодетельное лечение, оказанное в чужом, отдаленном краю» и за «Благодетельное прибившего из иностранного государства». Успехи П.Е. Кирилова были настолько широко известны в Пекине, что даже лейб-медик двора, управляющий врачебным приказом И Цзи предпочел доверить лечение своей матери специалисту из России, а не придворным медикам. Врач завоевал такое доверие китайского населения, что ему разрешали вход в женскую половину дома, что для мужчин было

категорически запрещено. Сестра вдовствующей императрицы в благодарность за лечение подарила ему ценный «корень хины» – огромный экземпляр жэньшэня, которому не было равных в Европе.

Занятия ботаникой натолкнули П.Е. Кирилова на мысль о возможности разведения в России чая. Возвращаясь в 1840 г. на родину, он захватил с собой чайный куст и семена и в домашних условиях (далеко не благоприятных) через 10 с лишним лет, собрав чайный лист, доказал возможность произрастания этой культуры в России. Об этом неоднократно писали в «Северной пчеле». Исследователь предлагал бесплатно поделиться своими знаниями о разведении культуры чая, но охотников заняться ее выращиванием не нашлось, правительственные организации также не проявили никакого интереса.

П.Е. Кирилов привез в Россию собранную им большую коллекцию китайских растений (127 видов лекарственных трав), препараты, несколько китайских книг по фармакологии и свои переводы на русский язык рецептов китайской медицины. В декабре 1852 г. «Военно-медицинский журнал» опубликовал результаты испытания лекарственных растений, которые проводились на корабельных мастеровых, академических служителях, рядовых царской армии и мастеровых Охтенского порохового завода. К сожалению, испытание привезенных из Китая растений было произведено только через десять лет, и к этому времени только 17 оказались годными, остальные испортились. Как отмечает П.Е. Скачков, «из-за косности царских чиновников не удалась попытка П.Е. Кирилова ввести в практику новые лечебные средства» [1, с. 144].

Высокую оценку получила китайская медицина в научных трудах врача А.А. Татаринова, опубликованных не только в специализированных изданиях «Труды Общества русских врачей», «Фармацевтический вестник», но и доступном широкому слою читателей литературном журнале «Отечественные записки». Этот талантливый и трудолюбивый человек успевал плодотворно заниматься китайским языком, лечить больных, собирать ботанические коллекции и принимать участие в делах миссии.

Как обывательский, так и научный интерес к деятельности в Китае российских специалистов-медиков поддерживал «Журнал Министерства народного просвещения». В одном из его выпусков была опубликована статья А.А. Татаринова «Медицина и врачи в Китае», в которой он высказал довольно смелое для того времени утверждение если не о преимуществе китайской медицины, то, по крайней мере, ее значительной целительной силе и рекомендовал российским и европейским специалистам проявить к ней интерес.

В работе «Китайская медицина», опубликованной в сборнике «Труды членов Российской духовной миссии» А.А. Татаринов дает исторический обзор раз-

вития китайской врачебной науки, довольно подробно знакомит читателей с содержанием медицинских книг, сообщает о наиболее известных китайских врачах, их положении в Китае, подчеркивая слабую заинтересованность Цинского правительства в улучшении здравоохранения народа.

За время, проведенное в Пекине (1840–1850 гг.), А.А. Татаринов написал большое число статей об особенностях китайского врачевания. По мнению П.Е. Скачкова, его труды в этой области, основанные на прекрасном знании местных литературных источников, в тот период не имели аналогов ни в нашей стране, ни за ее пределами. Исключительно богатые ботанические коллекции, собранные им, превосходили все предшествующие в России.

Стараясь осмыслить пути практического использования китайского опыта, врач С.И. Базилевский активно изучает зоологию и публикует в 1885 г. в «Записках Московского общества натуралистов» свой труд с рисунками рыб, выполненными китайскими художниками на 10 цветных таблицах. Кроме того, в февральском номере «Журнала министерства внутренних дел» за 1852 г. исследователь писал и о китайской медицине, садоводстве, подчеркивая необходимость активнее знакомиться с восточными науками, в том числе и китайской.

Благодаря изданиям «Труды Общества русских врачей», «Современная медицина», «Медицинский вестник», «Медицинский сборник» российская научная общественность могла ознакомиться с трудами врача П.А. Корниевского, чья деятельность в Пекине немало способствовала укреплению дружеских отношений китайцев с нашими соотечественниками.

Благодаря статьям отдельных периодических изданий российские читатели могли объективно оценить тот значительный вклад, который внесли в российскую науку врачи-китаисты. XIX в., как известно, был веком бурного развития российской науки, во многих областях которой наши соотечественники внесли неопределимый вклад своими открытиями. Интерес к Китаю как к объекту познания привел к проведению российскими учеными широких и разносторонних исследований. На примере разнообразной деятельности светских и облаченных в церковный сан сотрудников Духовной миссии можно увидеть, что, несмотря на различия научных интересов, ученые не были обособлены друг от друга. Напротив, всесторонне изучая прошлое и настоящее народов Азии, они поддерживали между собой тесную связь, помогая друг другу своими знаниями в изучаемых ими областях, что позволяло достичь столь значимых результатов.

Подводя итог, отметим некоторые особенности творческих и научных трудов членов Пекинской духовной миссии. Во-первых, анализ всего объема опубликованного в XIX – начале XX в. материала позволяет отметить разнообразие тематики и отсутствие

приверженности какому-либо одному научному направлению. Во-вторых, в силу неординарных личностных качеств, а также социального церковного статуса выбор для изучения основополагающих социальных проблем превалирует над легковесными по содержанию сюжетами, рассчитанными на малообразованную публику. В-третьих, идеализируя китайскую систему ценностей, большинство авторов давали повод передовой российской общественности проводить параллели состояния и развития отечественной и зарубежной политической системы. Результаты критических характеристик самовластного царизма и жестокого цензурного контроля давали повод высказывать опасения о возможном превращении России, как писали газеты того времени, в «духовный Китай». Сравнительные

оценки во многих случаях были не в пользу нашего государства.

Открытие Духовной миссии в Пекине явилось значительным шагом на пути культурного сближения России и Китая. Научные труды ее сотрудников стали важным источником информации о соседнем государстве, оказали большое влияние на процессы зарождения отечественного этнографического востоковедения и внесли неоценимый вклад в развитие практически всех китаеведческих дисциплин (истории, философии, религиоведения). Способствуя популяризации знаний о Китае в среде российской интеллигенции, исследователи положили начало изучению китайской истории и пробудили к ней интерес в различных кругах российского общества.

Библиографический список

1. Скачков, П.Е. Русские врачи при российской духовной миссии в Пекине / П.Е. Скачков // Советское китаеведение. – 1958. – №4.
2. Решетов, А.М. Значение трудов членов Российской Духовной миссии в Пекине для этнографии / А.М. Решетов // Православие на Дальнем Востоке. – СПб., 1993.
3. Горский, В.В. Два письма из Пекина / В.В. Горский // Отечественные записки. – 1843. – №5.
4. Тихвинский, С.Л. Выдающийся русский китаевед Н.Я. Бичурин / С.Л. Тихвинский // Новая и новейшая история. – 1977. – №5.
5. Юй Сисянь. Геомантия в традиционной культуре Китая / Юй Сисянь // Вестник Московского университета. Сер. 13: Востоковедение. – 1998. – №1.
6. Мясников, В.С. Слово о Бичурине / В.С. Мясников // Вестник Московского университета. Сер. 13: Востоковедение. – 2003. – №1.